

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 2 (91). С. 113–128.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2026; 2 (91):113–128.

Научная статья

УДК 821.161.1.09«18»

DOI 10.37724/RSU.2026.91.2.011

Творчество Н. Д. Хвощинской глазами современников (опыт обобщения прижизненной литературной критики)

Наталья Евгеньевна Куликова

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Рязань, Россия
 kulikova888@bk.ru

Аннотация. Статья представляет собой обзор прижизненной критики прозаического наследия русской писательницы второй половины XIX века Н. Д. Хвощинской (1822/1825?–1889). Поэтапное исследование охватывает долгий 35-летний творческий путь беллетристики — с начала 1850-х по конец 1880-х годов, — отраженный в суждениях русских литературных критиков ведущих направлений: революционно-демократического (Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. В. Шелгунов, П. Н. Ткачев), либерально-эстетического (В. Р. Зотов, А. В. Дружинин, ранний Д. И. Писарев, С. С. Дудышкин, П. Д. Боборыкин, К. К. Арсеньев), народнического (Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, В. В. Лесевич, Е. С. Некрасова), почвеннического (А. А. Григорьев, К. Ф. Головин), а также независимой критики (В. П. Попов, А. П. Милуков, В. В. Марков). Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом современного литературоведения к творчеству писательниц XIX века и вопросу о литературных репутациях, складывающихся в современном автору контексте. Целью статьи, помимо обзора разносторонних оценок творчества, позволяющих проследить, под влиянием каких факторов складывался литературный статус беллетристики, является поиск объективности по отношению к итоговой неопределенности литературного положения Хвощинской, сформировавшегося в восприятии современников, в основном под влиянием идеологических канонов. Особое внимание уделено работам, затрагивающим вопросы экзистенциальных истоков ее произведений, а именно провинциализма и гендерной составляющей. Настоящая работа представляет интерес для исследователей русской классической литературы XIX века, а также преподавателей истории, культуры и регионоведения, занимающихся вопросами развития общественно-критической мысли с опорой на прижизненный литературоведческий материал.

Ключевые слова: литературная критика, литературная репутация, прижизненная критика, русская классическая литература, Н. Д. Хвощинская.

Для цитирования: Куликова Н. Е. Творчество Н. Д. Хвощинской глазами современников (опыт обобщения прижизненной литературной критики) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 2 (91). С. 113–128. DOI: 10.37724/RSU.2026.91.2.011.

Original article

The work of N. D. Khvoshchinskaya through the eyes of her contemporaries (an attempt at generalizing lifetime literary criticism)

Natalia Evgenievna Kulikova

Federal State Budgetary Institution of Culture “Ryazan Historical-Architectural Museum-Reserve,” Ryazan, Russia
 kulikova888@bk.ru

Abstract. The article reviews critics responses to the fiction legacy of the Russian writer of the second half of the 19th century N. D. Khvoshchinskaya (1822/1825?–1889). This stage-by-stage study covers the female author’s long, 35-year creative career, from the early 1850s to the late 1880s, as reflected in the judgments of Russian literary critics from the leading movements of the era: the revolutionary-democratic (N. A. Nekrasov, I. I. Panaev, M. Ye. Saltykov-Shchedrin, N. V. Shelgunov, P. N. Tkachev), the liberal-aesthetic (V. R. Zotov, A. V. Druzhinin, the early D. I. Pisarev, S. S. Dudyskhin, P. D. Boborykin, K. K. Arsenyev), *Narodnik* critics (N. K. Mikhaylovsky, A. M. Skabichevsky, V. V. Lesevich, E. S. Nekrasova), *Pochvennichestvo* criticism (A. A. Grigoryev, K. F. Golovin), as well as works of independent critics

(V. P. Popov, A. P. Milyukov, V. V. Markov). The relevance of the present research is due to the increasing interest of literary scholars in the works of nineteenth-century women writers and the issue of literary reputations as they were formed in the context contemporary to the author. Beyond surveying the diverse assessments of her oeuvre — which allows us to trace the factors influencing the formation of this writer's literary reputation — the aim of the article is to seek objectivity regarding the still uncertain status of Khvoshchinskaya's literary status. This uncertainty, shaped in the perception of her contemporaries largely under the influence of ideological canons, is critically examined. Special attention is paid to the studies addressing the existential sources of her prose, namely provincialism and the gender aspect. This work will be of interest to researchers of 19th-century Russian classical literature, as well as to lecturers in history, cultural studies, and regional studies related to the development of Russian socio-critical thought based on literary materials of the writer's lifetime.

Keywords: Contemporary criticism, Literary criticism, Literary reputation, Russian classical literature, N. D. Khvoshchinskaya.

For citation: Kulikova N. E. Through the eyes of her contemporaries (an attempt at generalizing lifetime literary criticism). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2026; 2 (91):113–128. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2026.91.2.011.

Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre.

(A. de Musset «La coupe et les lèvres», 1832)

«Стакан мой невелик, но пью я из него» (перевод с французского А. Д. Мысовской [Альфред де Мюссе, Посвящение, 1891])

перен.: «Может быть, мой талант скромн, но я ничего ни у кого не заимствую».

Введение

Надежда Дмитриевна Хвошинская-Зайончковская (1822/1825?–1889) — самая известная русская писательница второй половины XIX века, писавшая под мужским псевдонимом «В. Крестовский». Войдя в литературу в конце 1840-х годов как поэтесса романтической направленности, Хвошинская оставила значительный след в отечественной словесности прежде всего как беллетристка. На протяжении второй половины XIX века романы и повести В. Крестовского пользовались неизменной популярностью и вызвали стойкий интерес критики, будучи, безусловно, незаурядными художественными явлениями. Планка, заданная миру ведущими русскими романистами, была очень высока, и Хвошинской в ее установлении принадлежит особая, «женская» роль: на закате жизни ее имя неизменно включалось критикой в классический, по преимуществу мужской, литературный пантеон.

Однако уже при жизни взгляд на роль и место писательницы в русской литературе был неоднозначен: одни критики присваивали ей статус прижизненного классика, отразившего в творческом зеркале сложное пореформенное время и сформировавшего идеалы русской молодежи, другие недоумевали, требовали доказательств новаторства и не находили причин для «канонизации». Помимо собственно критики, на мнение о писательнице повлияли ее личная стратегия «самоустранения» (вынужденная анонимность, культ мужского псевдонима, провинциальное «отшельничество», волнообразное проявление литературной активности), гендерный фактор (пренебрежение общества к женскому писательству, устоявшееся мнение об узости «женской темы» в литературе), а также статус «летописца русской провинции», вторичной по отношению к столице. Неопределенность подобной репутации отразилась на восприятии имени Хвошинской последующими поколениями исследователей, ориентированными, прежде всего, на реализуемые ходом истории революционно-демократические идеалы, что привело к закреплению за Хвошинской статуса «писателя второго ряда».

Прижизненная критика Хвошинской изучалась в основном составителями фундаментальных изданий XIX–XXI веков, а также биографами писательницы [см., напр., Настольный словарь, 1863; Петров, 1871; Гербель, 1873; Голицын, 1889; Семевский, 1890; Пономарев, 1891; Цебрикова, 1897; Русский биографический словарь, 1901; Брокгауз, 1903; Языков, 1905; Чижиков, 1914; Могилянский, 1956; История русской литературы, 1962; Горячкина, 1966; Чечнева, 2020; Хвошинская Надежда Дмитриевна, 2019 и т. д.] В настоящее время наблюдается тенденция к переосмыслению наследия, инспирированная возрастающим академическим интересом: диссертационными исследованиями [Кренжолек, 1986; Тыминский, 1997; Березкина, 2004; и др.], публикациями биографий [Чечнева, 2020; Потапов, 2024], статьями об актуальных для современности аспектах жизни и творчества, переизданием [Хвошинская, Пансионерка, 2022] и переводами книг [Rosneck, 2000; McDonald и др.], опубликованием

переписки [Я живу от почты до почты, 2001], проведением выставок, краеведческими открытиями [Севостьянова, Филиппов, 2003 ; Куликова, 2024 ; Петруцкий, 2007]. В массиве новейших исследований выделяются статьи и книги, посвященные неизученным аспектам биографии писательницы (многочисленные труды Е. Н. Строгановой [см., напр.: Строганова 2019, 2023, 2025]), западные книги и публикации с уклоном в «женскую тему» [Andrew, 2007 ; Berman, 2025], а также изучение идейной направленности и художественных особенностей прозы [Козлов, 2016, 2025 ; Погребная, 2020 ; Розенхольм, Савкина, 2012 ; Rosneck, 2010 ; Куликова, 2025 и др.]. Все это постепенно возвращает имя Хвоцинской в общекультурное поле.

Применяемый автором историко-функциональный метод дает возможность показать эволюцию литературно-критической рецепции писательницы во времени, а также понять, как исследовательская мысль разных лет «конструировала» ее под идеалы своего поколения. Статья позволяет глубже взглянуть на проблему «естественного отбора» в сфере искусства и приблизиться к пониманию не столько феномена Хвоцинской, сколько механизма формирования литературного канона в целом.

Критику творчества Хвоцинской можно разделить на четыре периода:

1. 1850–1889 годы: период прижизненной критики, характеризующийся оценкой произведений с точки зрения соответствия идейно-нравственным вызовам эпохи. В свою очередь, он подразделяется на критику 50-х, 60-х, 70-х и 80-х годов XIX века — в соответствии с ранее разработанной периодизацией творчества [Тыминский, 1997, с. 7–9].

2. 1890–1910-е годы: мемуарно-биографический период — стремление оценить масштаб личности писательницы для литературы в целом, а также представить ее глазами поколения Серебряного века;

3. 1920–1980-е годы: период советской критики, охарактеризованный забвением имени Хвоцинской, в основном по идеологическим причинам;

4. Конец 1980-х годов — настоящее время: возрождение интереса к наследию Хвоцинской через подробное изучение ее биографии, обращение к гендерным и провинциальным истокам творчества.

Настоящая статья охватывает первый, прижизненный период критики в наиболее значимых разборах, позволивший сделать выводы о значении Хвоцинской для современников в русле следования общелитературному российскому процессу второй половины XIX века.

Основная часть

Прижизненные оценки творческого наследия Н. Д. Хвоцинской. Критика творчества Н. Д. Хвоцинской 1850-х годов

Литературная критика 1850-х годов встретила прозу Хвоцинской с большим вниманием. Мнения авторов «Современника» были противоречивы: с одной стороны, был дан нелестный отзыв о «скучной» повести «Анна Михайловна» [Дружинин, 1850, № 6, с. 129], в котором критик характеризует дебютантку фразой из И. С. Тургенева «в уме отказать нельзя, а в таланте — должно» [Тургенев, с. 320], однако он же положительно отзывается о «Сельском учителе», отмечая тонкий психологизм в раскрытии образа главного героя [Дружинин, 1850, № 12, с. 85]. Более резким в своих оценках был И. И. Панаев («Новый поэт»). Подмечая недостатки стиля (растянутость, патетичность, наполненность излишними подробностями) и констатируя отсутствие оригинальности, он все же убежден в несомненной одаренности автора [Заметки и размышления Нового поэта, 1852, с. 105]. В следующей статье он далек от осуждения: размышляя о романе «Испытание», Панаев говорит об узнаваемой черте стиля Хвоцинской, являющем собой попытку соединить критический реализм с прогрессивным романтизмом. Подробно разбирая образы героев, «Новый поэт» указывает на правдивость отрицательного женского типа, однако образ Шатровского, «господина, палимого лучами идеала», менее достоверен из-за выспренней манеры разговора. Критик видит несомненное сходство между Шатровским и Орасом из одноименного романа Ж. Санд, поэтому отказывает характеру героя в самобытности [Заметки и размышления Нового Поэта, 1854, с. 79]. Несмотря на недостатки, «в этой повести много таланта, но еще более ума тонкого и наблюдательного», а сочинитель «без всякого сомнения, принадлежит к лучшим беллетристическим современным талантам в нашей литературе» [Там же, с. 79–80], — заключает критик.

Важную роль в начавшей складываться репутации писательницы сыграл авторитет Н. А. Некрасова, который в статье, посвященной повести в стихах «Деревенский случай», дал Хвоцинской урок стилистики, обращая внимание на неудавшуюся попытку синтеза обоих родов литературы и отмечая

подражательный характер произведения. Достоинствами поэмы он называет талантливые описания природы и «некоторые русские звуки, говорящие о близком знакомстве с жизнью России» [Деревенский случай, 1853, с. 10]. Размышляя о различиях талантов поэта и беллетриста, Некрасов задается вопросом: «почему все это написано стихами, а не прозой, <...> которою, сколько мы знаем, владеет г-жа Хвошинская» [Там же, с. 7], — отказывая автору в чисто поэтическом даре и невольно ставя провиденческую точку в творческих колебаниях самой писательницы. В другой статье Некрасов оценил гражданский пафос и серьезный подход беллетристки к писательскому ремеслу, проявляющиеся в стремлении пробудить в читателе негодование к низостям жизни, а также отсутствие раздражающей «напряженной крикливости и светской болтливости» [Некрасов, 1856, с. 229], однако в ущерб художеству Хвошинская чересчур много анализирует и рассуждает. Таким образом, мнение ведущего демократического журнала сформировало представление читающей публики о «В. Крестовском» как об авторе, безусловно, заслуживающем внимания, и выразило общественное желание видеть дальнейший творческий рост писательницы.

На повести «Сельский учитель» и «Еще год» откликнулись критики либерально-эстетического толка. Так, в противоположность демократам, указывавшим на подражательный характер прозы Хвошинской, В. Р. Зотов подчеркивает исключительную самобытность ее таланта, овеянного неподражаемым женским обаянием, способным «придать своего рода грацию» даже отрицательному герою [Петербургский вестник, 1852, № 8, с. 16]. Оценив сложность выбранного жанра (дневниковые заметки), журналист замечает, что такому «дарованию могли бы позавидовать многие мужчины-писатели» [Там же, с. 22]. Критик журнала «Москвитянин» А. А. Григорьев возводит последние работы В. Крестовского в ранг искусства, отмечая «благородное направление и искренность таланта» [Григорьев, 1853, с. 15], вызывающего невольную симпатию умением глубоко всматриваться в человеческую душу. Среди недостатков он называет вялое развитие действия и неясность идеи. Критик одним из первых замечает путаницу, связанную с присутствием в литературном поле сразу нескольких «Крестовских»¹, и предвидит сложности формирования авторской репутации.

В 1858 году Григорьев теоретически оформляет почвенническую концепцию «органической критики» и снова обращается к имени Хвошинской. Утверждая, что настоящее искусство должно произрастать из национальной почвы, Григорьев рассматривает творчество В. Крестовского как явление отрицательного начала в искусстве, продолжающее чуждое для России байроническое направление. Подобное отрицание, по мнению критика, нацелено на осуждение и поиск негативных сторон действительности, поэтому лишено «ростков нового» [Григорьев, Библиотека для чтения, 1858, с. 28–29]. Эту же мысль он развивает в статье 1859 года, сравнивая изображения эмансипированных женщин в повестях В. Крестовского и А. Ф. Писемского. Эссеист характеризует талант Хвошинской афоризмом «*facit indignatio versum*»² [Григорьев, Русское Слово, 1859, с. 36] и отдает предпочтение Писемскому. По мнению критика, несомненным плюсом для писательницы является знание света и светских женщин, однако рассудочный характер прозы его удручает. Критикуя недостаточность идейного содержания повести и отмечая узость провинциального взгляда, Григорьев утверждает, что истинное художество «своим правдивым отношением к фальши жизни» должно не сердить, а «“обращать очи внутрь души”», выражаясь словами Гамлета» [Там же, с. 38].

В том же году начинающий критик Д. И. Писарев анализирует очерк «Старое горе» и повесть «Братец». Критик указывает на исключительное мастерство Хвошинской в создании «одного из лучших женских характеров нашей литературы», однако более правдивым вышел образ рассказчика, которому автор не дал имени, типизируя тем самым современного слабого человека, прекрасные убеждения которого «слишком велики и тяжелы для него» [Писарев, 1894, с. 18]. Анализируя повесть «Братец», Писарев говорит о появлении в литературном поле нового, непопулярного донныне типажа «старой девы», смилившейся со своей участью и не способной на протест. Отмечая тонкое, «незаметное» мастерство повествования, он находит, что повесть «оставляет по себе глубокое впечатление, как всякое верное изображение жизни с ее печальными недостатками» [Там же, с. 26].

В 1859 году увидел свет шеститомник первого собрания сочинений Хвошинской, инициированный редакцией «Отечественных записок». Событие ознаменовалось выходом аналитической статьи «Н. Н.» (С. С. Дудышкина), в которой он старается объективно оценить пройденное писательницей

¹ Под этой фамилией писали драматург Н. И. Куликов («Н. Крестовский»), Н. Д. Хвошинская («В. Крестовский», «В. Крестовский-псевдоним»); собственно Всеволод Крестовский, его дочь Мария Крестовская. Этот феномен вызывает особый исследовательский интерес и попытки его объяснения [см., напр.: Строганова, По поводу неудобного псевдонима].

² «Негодование порождает стих» (лат.).

десятилетие. Отмечая спад моды на «щедринское, антивзяточное» направление, заданное «Современником» и вылившееся в «благородное недовольство настоящим» у А. Ф. Писемского и А. Н. Островского, Дудышкин говорит, что пора обратить внимание на В. Крестовского, который сумел «отстоять свою независимость», не жертвуя литературной моде «самобытностью своего таланта» [Н. Н., 1859, с. 103]: его произведения лишены желчности, «искусственного языка» и сатирического презрения к провинции. Проследив эволюцию творчества В. Крестовского, критик называет этапными повести «Фразы», «Искушение», «Братец» и очерк «Старое горе», в которых проявилась выстрадавшая автором «правда и сила мысли», облеченная в «грациозно-поэтическую прелесть выражения» [Там же, с. 112]. К сквозным достоинствам прозы литератор относит умелое владение речевой характеристикой персонажей, мастерское построение диалогов, выявляющих истинный драматизм ситуации, а также «незаметность пружин замысла», благодаря которой идея произведения выводится читателем легко и свободно. Критик ценит умение беллетристики вести линию центрального персонажа при балансе внимания к второстепенным героям и замечает, что близость «простоты и непринужденности» Ольги из «Фраз» образу гончаровской Ольги Ильинской свидетельствует об умении подмечать типы и «горячо говорит в пользу таланта автора» [Там же, с. 108].

Таким образом, к концу 1850-х годов Хвоцинская утвердилась в русской литературе как один из самых серьезных прозаиков, создающих яркие женские типы на основе провинциальной действительности. Демократическая критика признала ее верность принципам «натуральной школы» и глубокий интерес к насущным общественным вопросам; либеральная критика утверждала самобытность таланта и находила новаторским стилевое изящество «женской руки». Заложенное в этот период уважение к творчеству беллетристики, прошедшей путь от дебютантки до автора, занимающего «заметное место в русской литературе» [Строганова, Карпова, 2023, с. 91], стало прочным фундаментом для ее дальнейшей литературной деятельности.

Критика творчества Н. Д. Хвоцинской 1860-х годов

В отличие от предыдущего десятилетия, в 1860-е годы литературная критика уделяла прозе Хвоцинской заметно меньше внимания. Этот период стал для писательницы временем сложных поисков и переосмысления своего места в литературе, отразившей общественный подъем 1860-х годов. В это время на передний план вышла «реальная критика», требовавшая от литераторов злободневности и постановки остросоциальных вопросов, что обратило внимание ведущих критиков к очеркам и публицистике. На этом фоне проза Хвоцинской, сосредоточенная на тонком психологизме и нравственных исканиях, казалась менее актуальной. Тем не менее беллетристика продолжала разработку новых идей, не упуская ранее «найденные» женскую и провинциальную темы.

Десятилетие³ открылось для беллетристики несколькими отзывами независимой критики о романе «В ожидании лучшего». Так, в 1861 году вышла статья А. П. Милюкова «Мертвые души большого света», отметившего новизну тематики романа. Проводя параллель между романами «Накануне» И. С. Тургенева и «В ожидании лучшего», критик отмечает антиномию их названий: русское общество пребывает не накануне перемен, а лишь «в ожидании лучшего» [Милюков, 1875, с. 64]. Объясняя название статьи, Милюков говорит о сходстве героев В. Крестовского с типажам гоголевских «Мертвых душ», но «это не беспощадный смех Гоголя, а тонкая, полузатаенная ирония» [Там же, с. 71]. Публицист указывает на близость коллизии роману Ж. Санд «Леоне Леони», но если французской героине читатель прощает ошибки за чистоту души, то в героине В. Крестовского сквозит лишь хроническая светская испорченность. К сожалению, Хвоцинской не удалось создать образ положительного героя, поскольку задуманный таковым Неряцкий получился «ходульной фигурой», по-резонерски нелепой и по-донкихотски смешной. Также критик укоряет автора за приверженность к излишнему романтизму, приводящему к неестественности отдельных положений и сцен. Говоря о художественной стороне романа, Милюков отмечает, с одной стороны, тонкости переплетения характеров и положений, а с другой — недостаточно ясный взгляд на вещи, из-за которого «поэтическая живописность переходит иногда <...> в дагерротипную мелочность» [Там же, с. 81].

³ Сама писательница не осталась в стороне от литературной полемики. В 1860-е годы она начинает выступать как критик, публикуя под псевдонимом «В Поречников» цикл статей «Провинциальные письма о нашей литературе», в которых анализирует текущий литературный процесс и формулирует собственные взгляды на задачи искусства. Она критикует современную литературу за поверхностность, слепое копирование действительности и чрезмерное увлечение обличительством, считая, что подлинный реализм остается в значительной мере «воображаемым конструктором» [см. подробнее Самородническая, 2025].

Обозреватель «Русского слова» В. П. Попов в оценке романа вторит Милукову, говоря, что главное его достоинство состоит в мастерски очерченных характерах: «Это великолепная коллекция нравственных уродов, верных себе до последней нитки» [Попов, 1861, с. 83]. Публицист предупреждает, что в романе скрыта возможность обострения социальных противоречий: светский круг, отличающийся закрытостью и «мрачной ретроградностью», не сможет существовать долго. Корень зла заключен «в ложности женского воспитания» [Там же, с. 84], уничтожающего искренние семейные узы, и барском отвращении к труду, всегда сопровождающемся «презрением к человеческой личности и развратом» [Там же, с. 82]. Общественный интерес, вызванный романом, подтверждает его тематическое новаторство и безупречное чувство времени автора, поднимающего резонансные общественные вопросы.

П. Д. Боборыкин в статье с говорящим названием «Скромное имя» уже в начале 1860-х годов выводит проблему недооцененности Хвоцинской, поводом к чему послужил рассказ «За стеною» — личностно-социальная драма, переданная в форме подслушанного разговора. Оценив оригинальность выбранной формы, критик обращает внимание на глубину и свежесть рассказа, его мастерскую отделку и «художественную прелесть» [Боборыкин, 1863, с. 28]: персонажи лишены портретных описаний, но «стоят живые перед вами» [Там же, с. 29], воплощая собой узнаваемые типы. После недавнего выхода в свет тургеневских «Отцов и детей» актуальным для критики стал образ нигилиста, а также размышления о женской эмансипации; идейно рассказ В. Крестовского представляет собой рассуждение на эти же темы. «Женский вопрос», по мнению Боборыкина, «завязан» на личной драме женщины, вынужденной «держать удар» перед нигилистически настроенным мужским обществом. Нигилизм, будучи крайней степенью критического реализма, начал переделывать женскую природу без расчета последствий и стал удобной ширмой бездушия, нравственной слабости мужчины — утверждает своим рассказом беллетристка. Критик задается вопросом об общественно-литературной несправедливости по отношению к талантливой писательнице, чутко реагирующей на веяния времени, — и не находит ответа.

На вопрос Боборыкина вскользь ответил М. Е. Салтыков, упомянув о романе в одной из литературных рецензий 1864 года. Размышляя о попытках переноса «психологических недоумений» и интереса к «распутыванию пустяков» из английских «домашних романов» на российскую литературную почву, Салтыков отмечает их фальшивое звучание, поскольку «характеристические черты русской жизни крупны, резки и откровенны; в ней <...> очень мало лицемерства. Поэтому-то, быть может, писательница, сама по себе очень даровитая, <...> но постоянно стоявшая в своих сочинениях на почве психологических тонкостей, никогда не пользовалась у нас тем успехом, который принадлежал ей по праву таланта» [Салтыков-Щедрин, 1966, т. 5, с. 440–441]. Таким образом, сатирик видел причину недооценки писательницы в ее недостаточном знании многообразия русской жизни и прямом калькировании творческих методов из западной литературы, прежде всего Ж. Санд и Дж. Элиот.

Принесшие Хвоцинской внезапные перемены в личной жизни⁴, 1860-е годы стали, против общественных ожиданий, не временем открытого признания, а периодом сложной внутренней эволюции. Она утвердилась в качестве одного из ведущих авторов по «женскому вопросу» в русской литературе, продолжив поиск типажей и начав разработку образа «новой женщины» («Пансионерка»), и, кроме того, выступила как пристрастный критик, отстаивая свое видение реализма — глубокого и психологичного. Все это заложило основу для ее зрелого творчества и возвращения интереса прогрессивной критики в последующее десятилетие.

Критика творчества Н. Д. Хвоцинской 1870-х годов

В 1870-е годы Хвоцинская пережила пик своей популярности. Из автора, чьи психологические зарисовки вызывали интерес в 1850-х годах и чья позиция казалась сложной для критиков в 1860-х, она превратилась в одного из самых читаемых и высокооплачиваемых прозаиков России⁵, а ее талант

⁴ В 1865 году скончалась сестра Софья, с которой они были неразлучны. Эту невосполнимую потерю писательница попыталась преодолеть неожиданным замужеством, также оказавшимся несчастливым.

⁵ По уровню гонораров она уступала лишь Льву Толстому и Ивану Тургеневу. Подробно изучивший вопрос заработка писательницы В. И. Семевский писал: «Всего в течение семидесятих годов Зайончковская получила в виде гонорара за новые литературные произведения более двенадцати тысяч рублей, да за отдельные издания своих романов и повестей пять тысяч, итого более семнадцати тысяч рублей, — следовательно, средний годовой заработок ее в это десятилетие несколько превышал 1700 руб.» [Семевский, 1890, № 11, с. 96].

признавали лучшие писатели-современники. В это время ею были созданы лучшие произведения: роман «Большая Медведица» (1871) и сборник «Альбом: группы и портреты» (1874), имевшие оглушительный успех. Однако начало десятилетия для романистки ознаменовалось резкой критикой.

Автор статьи «Женское бездушие» демократ Н.В. Шелгунов в стремлении определить степень литературно-общественных заслуг Хвоцинской бесцеремонно высмеивает женскую природу ее таланта и провинциализм. Публицист отказывает писательнице в умении распознать корни общественного зла; причину равнодушия прогрессивных читателей к ее книгам он видит в излишнем литературном аристократизме: «У Крестовского даже порок ходит в лайковых перчатках» [Шелгунов, 1870, с. 8–9]. Провозглашая предметом истинного искусства народ и его чаяния, критик призывает В. Крестовского — «бытописателя провинции и золотой середины» — приблизиться к настоящему, «видеть начало истории в крестьянской избе и читать ее продолжение в коллективной жизни народов» [Там же, с. 7–8]. Как писатель В. Крестовский, безусловно, талантлив, но ему недостает силы мысли, понимания современности, которое требует активных героев — убежден Шелгунов. Название статьи является как характеристикой поступков героинь Хвоцинской, так и ее самой, безнадежно отставшей от времени ⁶.

Еще большую обиду нанес писательнице обозреватель родных «Отечественных записок», народник А. М. Скабичевский. Размышляя о причинах волнообразного интереса к таланту В. Крестовского, он замечает, что за свою творческую жизнь беллетристка пережила «две славы»: в 50-е годы и 70-е годы XIX века, исключая «гордые, заносчивые 60-е», когда В. Крестовский «словно стушевался» [Скабичевский, 1872, с. 6]. Вторя Шелгунову, он утверждает, что узость провинциальной тематики романов Хвоцинской усугубилась ограниченностью женского мировосприятия. Однако критик не отказывает ей в глубине авторского взгляда на «жизнь своего уголка», проявившейся в верном изображении его «ужасающей пустоты, лжи и крайнего растления» [Там же, с. 9]. К сожалению, создаваемые писательницей идеальные образы отстали от века, поскольку герои не борются со средой, а продолжают жить вне настоящего дела. Критика печалит неумение Хвоцинской применить на пользу времени свой большой талант; он призывает ее «отрешиться раз и навсегда от своего сентиментального идеальничанья» [Там же, с. 41]. Это, наконец, «сбылось» в очерках «Альбом: группы и портреты», попавшем в самую суть современности, будящем совесть, заставляющем глубоко задуматься. Свидетельствуя отход писательницы от «прописных трузизмов» [Скабичевский, 1875, с. 72], критик говорит о точно подмеченной исторической закономерности, когда «какое-нибудь большое движение в обществе <...> захватывает собой всех и каждого», но не в равной степени, а сообразно «восприимчивости натуры, близости к центру движения» [Там же, с. 85]. Критик говорит об эволюции творчества Хвоцинской, замечая, что горький, точно схваченный образ девушки из 1860-х годов в «Ридневе» гораздо правдивее ее прежних идеалисток и нигилисток. Силой своего таланта Хвоцинская предвидит, что построенное на фальши, беззаботное общество находится перед лицом неотвратимой беды, но не имеет мужества задуматься об этом.

С независимых позиций рассмотрел беллетристику Хвоцинской В. В. Марков, отметивший неослабевающую силу таланта. Говоря о неопределенности творческого направления Хвоцинской, он находит в нем смесь романтизма 1840-х годов и прогрессивных идей 1860-х годов; в нравственной же позиции писательницы есть «прочно укоренившиеся <...> опорные точки, с которых она не сбивается» [Марков, Мишурная филантропия, 1878, с. 206]. В другой статье критик, сравнивая героинь «Ридневой» и «Большой Медведицы», утверждает, что в лице Катерины Багрянской эволюционировал образ «тургеневской девушки», требовательной к самовоспитанию возлюбленного. Эти героини сознательно выведены беллетристкой как два типа современных женщин, порожденных бурными переменами 1860-х годов: «В той — бессилие воли или случайные вспышки энергии, потухавшие очень скоро; в этой — ровная сила, настойчивая воля, соединенная, однако, с обаятельной женственностью» [Марков, Личная воля, 1878, с. 218].

Восторженно встретил издание «Альбома» самый яркий критик народнического направления — Н. К. Михайловский. В своем обзоре он указывает на смелость модернистской формы сборника, соединившего эскизную работу с захватывающим повествованием: «Даже в легком наброске видна рука мастера» [Михайловский, 1879, с. 81]. Публицист заостряет внимание на сути конфликта, где центральный персонаж противостоит толпе не как романтический герой, а как «пореформенный маленький человек», с разбитыми ею убеждениями, вынуждаемый на нравственное самоубийство. Из толпы

⁶ Впоследствии, прочитав «Альбом», Н. В. Шелгунов кардинально изменил позицию и горячо извинялся перед автором [см. подробнее Шелгунов, 1891], а в 1883 году вместе со всей культурной общественностью подписал Хвоцинской памятный поздравительный адрес.

выдаются «отступники» — бывшие идеалисты 1860-х, и предательство ценностей становится самым горьким ударом для героя. Несмотря на кажущуюся разрозненность сборника и даже благодаря ей «получается нечто большее, широкое по замыслу, тонкое по исполнению, скорбно гнетущее по впечатлению» [Там же, с. 83], отражающее состояние современного разобщенного общества.

На переиздание повести «Первая борьба», в которой выведен портрет поколения, пришедшего на смену потерпевшим фиаско идеалистам 1860-х годов, откликнулся критик-народник В. В. Лесевич. Подметив тенденцию современных авторов выводить типажи «дрянных» и «дурных» людей, причины появления которых кроются в организации общества «на началах крепостничества» [Лесевич, 1879, с. 44], он увидел в повести образец подобного «героя нашего времени». Писательница наделяет его характерной для мерзавцев чертой — страстью ко всему изящному, которая служит как бы вознаграждением за «внутреннее безобразие» [Там же, с. 48]. Причину недооценки таланта беллетристски критик видит в тонкости ее изобразительной манеры, непривычной для русского читателя.

Выход очерков стал для П. Д. Боборыкина поводом упрочить выдающееся место Хвоцинской в литературе, ведь 1870-е годы стали, наконец, временем, в которое идеи писательницы совпали с чаяниями передовой общественной мысли. Оценив вслед за Михайловским свежесть художественной манеры беллетристски, публицист отмечает благотворное присутствие в размышлениях главных героев переживаний самого автора «со своей вымученной душой хорошего идеалиста» [Боборыкин, 1879, с. 14]. Лучшим произведением «г-жи Крестовской», лейтмотивом творчества которой стал «плач о шестидесяти годах» [Там же, с. 40], Боборыкин считает очерк «Риднева», соглашаясь в этом с восхищенной оценкой других литераторов. Критик указывает на неоклассическое новаторство писательницы в реализации триединства времени, места и действия, а также новый, несентиментальный подход к форме биографического рассказа. Размышляя о феномене устойчивости многолетнего читательского интереса, критик отмечает близость романистки интеллигентному читателю вопреки писателям, заставляющим погружаться в чуждую среду. Однако Хвоцинская не создала ни одной вполне выдающейся центральной русской фигуры, поскольку «ее царство — женские лица», «дворянское хорошее общество губернского города, Москвы и усадьбы; отчасти провинциальное разночинство» [Там же, с. 35–36]. Публицист винит в отсутствии широкой известности писательницы мужской псевдоним, внесший в литературный мир неразбериху. Само название статьи — «Беллетристы старой школы» — утверждает образцовость творчества Хвоцинской и призывает молодых писателей к детальному изучению ее манеры.

Таким образом, к концу 1870-х годов Хвоцинская, наконец, получила признание как одна из ведущих русских романисток. Ее голос, нашедший яркое воплощение в «Большой Медведице» и «Альбоме», был услышан и по достоинству оценен современниками. Семидесятые годы XIX века стали для нее временем «пики формы»: тонкий психологический реализм, верность «женской теме», поиски идеалов эпохи закрепили за ней репутацию первой русской писательницы, но одновременно с этим выявили границы дарования, которые впоследствии станут предметом более острой полемики. Особый интерес народнической критики закрепил за ней статус одного из самых значимых авторов, близких этому движению.

Критика творчества Н.Д. Хвоцинской 1880-х годов

В 1880-е годы после долгого и плодотворного пути талант Хвоцинской начал угасать: новые произведения появлялись все реже и воспринимались как вариации уже знакомых тем. Свою роль сыграло переключение внимания писательницы на переводческую и литературно-критическую деятельность. Она продолжала оставаться заметной фигурой, но уже не была в авангарде литературного процесса. Внимание исследователей в этот период было обращено не столько на свежие работы Хвоцинской, сколько на подведение итогов ее творческого пути.

Так, в 1880 году в журнале «Дело» вышла аналитическая статья критика революционно-демократического направления «П. Никитина» (П. Н. Ткачева) под едким названием «Гнилые корни», в которой он описал репутацию В. Крестовского фразой «безмолвное признание» [Никитин, 1880, № 2, с. 315]. Критик не находит у Хвоцинской, так и не примкнувшей ни к одной из эстетических школ, яркого художественного таланта. Герои ее произведений — «культурные паразиты»: либо манипуляторы-эгоисты, либо слабо ропщущие идеалисты. Публицист подробно останавливается на типаже «умных детей», избалованных высшим обществом и рано превратившихся в негодяев («Первая борьба»,

«В ожидании лучшего»). «Каковы корни — таковы и ветви» [Никитин, № 3, с. 324], — так объясняет он название статьи. Однако Ткачев все же признает важность влияния творчества беллетристики на современность, так как оно составляет «весьма поучительные материалы» для беспристрастной оценки и анализа [Там же, с. 329]. Через три года тот же журнал отозвался о писательнице гораздо менее язвительно: обозреватель причислил Хвоцинскую к разряду «утешительных» писателей, далеких от флагманских позиций. Разбирая ранние повести В. Крестовского, он отметил их историко-художественную ценность, поскольку в арсенале автора есть «и ирония, и лиризм, и пафос, и негодование» [Повести В. Крестовского, 1883, с. 46].

В 1884 году общественность готовилась отметить 35-летие литературного пути Хвоцинской. К этой дате было приурочено переиздание романа «Большая Медведица», на которое откликнулась историк литературы Е. С. Некрасова. Ностальгически вспоминая появление романа в начале 1870-х годов, она отмечает, что главная героиня представлялась молодежи идеалом передовой женщины, которая должна была «принести свет просвещения в темные, душные деревенские избы». Действительность для выбравших этот путь оказалась сложнее: жертва, приносимая делу просвещения народа, привела к отказу от личного счастья. Публицистка благодарит В. Крестовского за долгий и нестигаемый путь в литературе, посвященный обличению личного эгоизма и провозглашению общего блага в «труде для всех»: «Крестовский <...> честный писатель, который 35 лет держал одно знамя и остался ему верен и теперь» [Некрасова, 1883, с. 80], — подытоживает критик. Диаметрально противоположное мнение о «знамени», поднятом «несильною рукою г. Крестовского», высказал почвенник К. Ф. Головин. Он предлагает подвергнуть переоценке мнение о нем как о «крупном, симпатичном таланте», что, на его взгляд, «бездумно повторяется критиками разных поколений». Критик не отказывает г. Крестовскому «в искренности и даже в некоторой художественности рисунка» [Головин, 1884, с. 56], но тут же замечает, что он всегда несколько скучноват и утомителен. Журналист высмеивает выпендренный язык, которым говорят герои и сам автор, упрекая его в незнании истинных стремлений современной молодежи.

Самой значимой критической работой 1880-х годов стало эссе К. К. Арсеньева. Эссеист называет главной темой Хвоцинской семейную драму, разворачивающуюся в мире нестоличного дворянства. Беллетристика выводит на суд читателя красочную галерею «провинциальных мучителей», а также «униженных и оскорбленных» ими. Символами нестоличной жизни становятся судьбы «старых дев» — «испуганных дворянок при суровом хозяине» [Арсеньев, 1885, ч. I–II, с. 334–335], а нравственное одиночество положительных героев, орудием для которых часто «избирается всемогущая провинциальная сплетня», обусловлено нешаблонностью их мышления и стремлений. Хвоцинская не побоялась показать мир «черной половины» дворянского дома, куда долгое время брезгливо не заглядывала литература. На страницах ее книг оживает мир провинции, где царствуют пустота жизни, отсутствие умственных интересов и взаимное недоброжелательство, где вынуждены погибать чистые души. Одна из особенностей стиля В. Крестовского, ранее не замеченная критикой, — введение в действие трагикомедии, проявляющейся в результирующей роковой случайности. «Минорный тон и бледный колорит» беллетристики Хвоцинской критик объясняет удручающей атмосферой 1840–1850-х годов, в которой проходило становление ее личности. Творчество В. Крестовского — итог взаимодействия «тусклой среды и таланта, воспитавшегося под ее гнетом» и сохранившего свою внутреннюю свободу [Там же, с. 359]. Арсеньев говорит о прозорливости Хвоцинской, выведшей в общественно-культурное пространство типаж психопата («Первая борьба») — результата полной «атрофии нравственного чувства», представляющего собой новую «социологическую загадку» [Там же, с. 755]. Слабость беллетристики проявилась в неумении проанализировать генезис описываемых типажей и явлений, показать подробную трансформацию личности героя. Хвоцинская — «поэт тяжелых, безнадежных положений, невознагражденных потерь, испорченных существований; лучшие страницы ее произведений продиктованы глубоким сочувствием к чужому горю» [Там же, с. 359], однако это имя нельзя поставить в ряд с такими корифеями романа, как Теккереи, Бальзак, Тургенев, Толстой, так как ни один из ее героев не получил нарицательного имени.

Вынесенные в эпиграф статьи слова Альфреда де Мюссе впервые употребил в оценке творчества Хвоцинской Н. К. Михайловский с тем уточнением, что творчество писательницы нельзя мерить лишь меркой злободневности: его нужно рассматривать с позиции вечных ценностей. Критик отмечает, что сфера провинциальной эмпирики романистки была узка и не давала возможности «наблюдать людей, проникнутых сознанием гражданского долга» [Михайловский, Обязанности, 1888, с. 106], отсюда — дихотомия восприятия жизни с уклоном в темные тона и невозможность создания сильных положительных типов. Это критическое мнение, высказанное на закате жизни писательницы, стало общепризнанным

оценкой ее литературного таланта и закрепило в общественном сознании понимание ее писательской самобытности и особого голоса в русской литературе.

Таким образом, 1880-е годы стали для Хвоцинской временем подведения итогов, осмысления ее места в литературе и признания значительного вклада в отечественную словесность. Критика единодушно закрепила за ней статус одного из самых ярких прозаиков ушедшей эпохи, однако уже не отвечавшей запросам стремительно меняющегося времени.

Заключение

Рассмотрев массив прижизненной критики о прозаическом наследии Хвоцинской, можно сделать следующие выводы.

Исследователи единодушно, независимо от направления, признавали за ней значительный, оригинальный талант, называя самой даровитой из русских романисток и ставя в один ряд с Ж. Санд и Дж. Элиот. Хвоцинская получила признание при жизни, что случалось далеко не со всеми, однако оно почти всегда сопровождалось важными оговорками, не позволившими ей войти в узкий круг «первостепенных» классиков. В критике сформировался устойчивый консенсус относительно возможностей ее дарования: высоко оценено владение тонким психологическим анализом, знание человеческой природы, искренность и стойкая приверженность прогрессивным идеалам; упреки касались неумения создать запоминающийся образ героя, отсутствия сюжетной динамики и недостаточной изящности стиля. Можно сказать, что за Хвоцинской закрепился статус *«писательницы первого ряда второго плана»*: ее уважали, много читали, но воспринимали скорее как крепкого профессионала и честного бытописателя, чем гения, открывающего новые пути в литературе. Уникальность литературной репутации беллетристки заключалась и в том, что она не была безоговорочно «присвоена» ни одним из критических лагерей, находясь в сложном положении *«между»*:

– революционным демократам Хвоцинская представлялась своей по духу, но метод ее казался недостаточно злободневным, особенно в 1860-е годы; ее психологизм и внимание к частной жизни проигрывали в глазах «реальной критики» острой социальной публицистике;

– критики либерально-эстетического лагеря отдавали беллетристке должное за мастерство, однако подчеркнутая пристрастность отдаляла ее от идеалов «чистого искусства»;

– у молодых народников «женская тема» Хвоцинской находила горячий отклик, но критика усматривала во взгляде писательницы определенную ограниченность, неспособность увидеть экономическую и классовую основу проблем русского общества.

Эта «невписанность» в жесткие идеологические рамки, с одной стороны, обеспечила романистке широкую читательскую аудиторию, а с другой, — помешала стать «знаменем» какого-либо направления, что было необходимым для прочного вхождения в канон.

Прижизненная критика сформировала прочный фундамент для ее восприятия последующими поколениями, в основе которого лежали два ключевых тезиса, парадоксально обеспечивших ей место в истории литературы и одновременно способствовавших ее последующему забвению:

1. Закрепление репутации одного из самых ярких и последовательных голосов в разработке «женской темы» в русской литературе XIX века. Это признание гарантировало ей место в специализированных исследованиях, но в то же время сужало значение до рамок «женской литературы», которая долгое время считалась маргинальной.

2. Признание мастером изображения «гнетущей пустоты» провинциальной жизни, духовного застоя и конфликта «живых душ» с «мертвой», косной средой. Провинциализм в русской культурной иерархии всегда воспринимался как нечто вторичное по сравнению со столичной жизнью.

Таким образом, прижизненная критика закрепила неопределенное положение Хвоцинской в литературе, которое впоследствии в сочетании с другими факторами (смена литературных эпох, гендерные стереотипы) стали причиной ее постепенного оттеснения на периферию классики. Ее признавали важной, но не «вершинной» фигурой, чей голос был неотъемлемой частью хора эпохи, но не солировал настолько мощно, чтобы ее пережить. Именно эта двойственность — признание и ограничение — составляет суть ее прижизненной литературной репутации, которая делает ее фигуру столь интересной для современного пересмотра канона.

Список источников

1. Мюссе А. де. Уста и чаша: драматическая поэма / пер. А. Д. Мысовской. — СПб., 1891. — URL : http://az.lib.ru/m/mjusse_a_d/text_1832_la_coupe_et_les_levres.shtml (дата обращения 20.04.2025).
2. Арсеньев К. К. Современный русский роман в его главных представителях. Крестовский (псевдоним) // Вестник Европы. — Т. 111. — Г. 20. — Т. 1. — СПб., 1885. — Ч. I–II. — С. 330–362 ; Ч. III. — С. 739–763 ; Ч. IV. — Кн. 3. — Март. — С. 342–369.
3. Б. Д. П. [П. Д. Боборыкин]. Беллетристы старой школы: В. Крестовский (псевдоним) // Слово. — СПб., 1879. — Год второй. — Июль. — Разд. X. — С. 1–52.
4. Березкина Е. П. Типология женских образов в народническом романе (на материале творчества Н. А. Арнольди, С. И. Смирновой, Н. Д. Хвошинской, О. А. Шапир) : дис. ... канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2004. — 167 с.
5. Боборыкин П. Д. Скромное имя // Библиотека для чтения. — СПб., 1863. — Г. 30. — Янв. — Русская литература. — С. 26–42.
6. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. «Хаким — Ходоров». — СПб., 1903. — Т. 37. — С. 145–147.
7. Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образцах. — СПб., 1873. — С. 580–582.
8. Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц // [Соч.] Кн. Н. Н. Голицына. — СПб., 1889. — С. 262–265.
9. Головин К. Ф. Письма из Петербурга о русской современной литературе. III // Русь. — СПб., 1884. — Г. 4. — № 7. — 1 апр. — С. 55–62.
10. Горячкина М. С. Крестовский В. // Краткая литературная энциклопедия. — М., 1966. — Т. 3 : Иаков — Лакснесс. — Стб. 819–820.
11. Григорьев А. А. И. С. Тургенев и его деятельность по поводу романа «Дворянское гнездо» // Русское слово. — Г. 25. — Янв. — СПб., 1859. — Май. — Критика. — С. 20–41.
12. Григорьев А. А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Библиотека для чтения. — Г. 25. — Янв. — Т. 147. — СПб., 1858. — Разд. V : Критика. — С. 1–42.
13. Григорьев А. А. Русская изящная литература в 1852 году // Москвитянин. — М., 1853. — Т. 1. — Отд. V : Критика и библиография. — С. 1–64.
14. Деревенский случай. Повесть в стихах Н. Д. Хвошинской. СПб., 1853 // Современник : журнал литературный и политический. — СПб., 1854. — Т. 43. — № 1. — С. 7–10.
15. Дружинин А. В. Современные заметки. Письма о русской журналистике. Письмо шестнадцатое (Обзор русских журналов за июнь 1850 года) // Современник. — СПб., 1850. — № 6. — Т. 22. — С. 87–139.
16. Дружинин А. В. Современные заметки. Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике // Современник. — СПб., 1850. — № 12. — Т. 25. — С. 82–106.
17. Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Август 1852. Отд. VI : Современные заметки // Современник. — СПб., — 1852. — Т. 35. — С. 297–298.
18. Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики. Май-июнь 1854. Отд. VI : Современные заметки // Современник. — СПб. — 1854. — № 7. — Июль. — Т. 46. — С. 62–81.
19. История русской литературы XIX века : библиогр. указатель / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы. (Пушкинский дом) ; под ред. К. Д. Муратовой. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-е]. — 1962. — С. 381–383.
20. Козлов А. Е. «На Хвошинское»: ономастическая аллюзия в «Грамматике любви» // Сюжетология и сюжетология. — 2025. — № 4. — С. 93–92.
21. Козлов А. Е. Формы и образы времени в произведениях Н. Д. Хвошинской и В. А. Слепцова // Вестник Томского государственного университета. — Филология. — 2016. — № 3 (41). — С. 106–114.
22. Кренжолек О. С. Проблемы литературной позиции Н. Д. Хвошинской 1840–1860-х годов : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1986. — 160 с.
23. Куликова Н. Е. Изучение наследия Н. Д. Хвошинской в Рязанском кремле // Рязанская земля: история, культура, общество : материалы Десятой межрегион. науч.-практ. конф. — Рязань. — 2025. — С. 156–166.
24. Куликова Н. Е. Образ человека нового времени в мещанской среде губернского города N: прототипы героя очерка Н. Д. Хвошинской «У фотографа» (1879) // Вестник Бурятского государственного университета. — Филология. — 2024. — Вып. 3. — С. 64–73.
25. Куликова Н. Е. Рязанский текст в повести Н. Д. Хвошинской «Пансионерка» (1861) // Литература Древней Руси и Нового времени : материалы XIII Всерос. конф. — М., — 2025. — С. 328–340.
26. Лесевич В. В. «Первая борьба (Из записок)» В. Крестовского (псевдоним). СПб. 1879 / Новые книги // Отечественные записки. — СПб., 1879. — № 11. — Ноябрь. — С. 44–49.
27. Марков В. В. Личная воля // Навстречу : очерки и стихотворения Василия Маркова. — СПб., 1878. — С. 209–218.

28. Марков В. В. Мишурная филантропия // Навстречу : очерки и стихотворения Василия Маркова. — СПб. — 1878. — С. 202–209.
29. Миллюков А. П. Мертвые души большого света // Отголоски на литературные и общественные явления : критические очерки А. Миллюкова. — СПб., 1875. — С. 58–81.
30. Михайловский Н. К. «Альбом. Группы и портреты» В. Крестовского (псевдоним). СПб. 1879 г. / Новые книги // Отечественные записки. — СПб., 1879. — Т. 243. — Г. 41. — С. 80–85.
31. [Михайловский Н.К.] «Обязанности». Роман В. Крестовского / Отдел второй. — III. Новые книги. Русская библиография // Северный вестник. — СПб., — 1888. — № 4. — С. 106–110.
32. Михайловский Н. К. Экспериментальный роман // Сочинения Н.К. Михайловского. — СПб., 1885. — Т. 6. — С. 1–31.
33. Могилянскй А. П. Н. Д. и С. Д. Хвоцинские // История русской литературы : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — М. ; Л., — 1956. — Т. 9. — Ч. 2. — С. 228–237.
34. Н. Н. [С. С. Дудышкин] Романы и повести В. Крестовского. Шесть томов. Санктпетербург. 1859 // Отечественные записки. — СПб., 1859. — Т. 124. — Г. 21. — № 5–6. — Русская литература. — С. 102–112.
35. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон). II–V [ижица] / под ред. В. Р. Зотова, Ф. Толля. — СПб., 1863. — Т. 3. — С. 922.
36. Некрасов Н. А. Заметки о журналах. Март 1856 года // Современник. — СПб., 1856. — № 4. — Апр. — С. 223–237.
37. Некрасова Е. С. «Большая Медведица». Роман в пяти частях В. Крестовского (псевдоним) // Русская мысль. — М., — 1883. — Г. 4. — Кн. 7. — С. 80.
38. Никитин П. [П. Н. Ткачев] Гнилые корни / Современное обозрение // Дело. — СПб., 1880. — Г. 14. — № 2. — С. 315–344 ; № 3. — С. 283–324.
39. Петербургский вестник. Литература // Пантеон. — СПб., 1852. — Т. 4. — № 8. — Авг. — С. 1–22.
40. Петров К. П. Курс истории русской литературы. Издание седьмое, справленное и дополненное. — СПб. — 1871. — С. 317–318.
41. Петруцкий А. А. «Бывали времена хуже – подлее не бывало» (к 185-летию со дня рождения Н. Д. Хвоцинской) // Вечерняя Рязань. — 2007. — № 26. — 5 июля.
42. Сочинения Дмитрия Ивановича Писарева. Полное собрание : в 6 т. — СПб., 1894. — Т. 1. — С. 18–26.
43. Повести В. Крестовского (псевдоним). IV. Идеалы и фразы. СПб. 1884 г. // Дело. — СПб., — 1883. — Г. 17. — № 12. — С. 44–46.
44. Погребная В. Л. Аспекты женской эмансипации в жизни и творчестве Н. Д. Хвоцинской // Современные подходы к филологическим исследованиям : кол. моногр. — Львов, 2020. — С. 192–215.
45. Пономарев С. И. Наши писательницы. — СПб., 1891. — Т. 52. — № 7. — С. 60–71.
46. Попов В. П. «В ожидании лучшего». Роман В. Крестовского // Русское слово. — СПб., 1861. — Т. 3. — Март. — С. 81–89.
47. Потапов А. Н. Провинциалки. Жизнь и творчество сестер-писательниц Хвоциных. — Рязань, 2024. — 72 с.
48. Розенхольм А, Савкина И. Л. Как должны писать женщины: русская женская литература XIX века // Женщины в России XIX века: жизнь и культура / [под ред. Венди Росслин и Алесандры Тоси]. — Кембридж : Open Book Publishers, 2012. — С. 161–208.
49. Русский биографический словарь А. А. Половцова. «Фабер-Цявловский». — СПб., 1901. — С. 301–303.
50. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. — М., 1965–1977. — Т. 5. — 1966. — 712 с.
51. Самородникова Е. И. «Вздоры пишутся проворно, и такая литература неистощима»: Н. Д. Хвоцинская, литературный критик // Вестник РГГУ. — Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2025. — № 11. — Ч. 1. — С. 33–43.
52. Севастьянова А. А., Филиппов Д. Ю. Новые материалы об истории семьи Хвоциных в Рязани // Истории дореволюционной России: мысль, события, люди. — Рязань, 2003. — С. 111–120.
53. Семевский В. И. Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская // Русская мысль. — СПб., 1890. — № 10–12.
54. Скабичевский А. М. Волны русского прогресса. «Романы и повести» В. Крестовского (псевдоним) // Отечественные записки. — СПб., 1872. — Т. 200. — Современное обозрение. — С. 1–41.
55. Скабичевский А. М. Наша современная беззаветность / 1874–1875 // Сочинения А. Скабичевского : в 2 т. — СПб., 1895. — С. 69–102.
56. Строганова Е. Н., Карпова О. А. «Светоч». Неопубликованный отклик на смерть Н. Д. Хвоцинской // Литературный факт. — 2023. — № 3 (29). — С. 91–107. — URL : <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-91-107> (дата обращения: 15.04.2026).
57. Строганова Е. Н. «Мне нужны близкие, самые близкие»: к биографии Н. Д. Хвоцинской // Литературный факт. — 2025. — № 2 (36). — С. 130–171.
58. Строганова Е. Н. По поводу неудобного псевдонима: Надежда Хвоцинская, она же В. Крестовский // Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. — М., 2019. — С. 54–62.

59. Тургенев И. С. Гамлет Щигровского уезда / Записки охотника : полное собрание очерков и рассказов, 1847–1876. — Пг. — 1918. — С. 291–321.
60. Тыминский А. И. Поэтика прозы Н. Д. Хвошинской : дис. ... канд. филол. наук. — М., 1997. — 212 с.
61. Хвошинская Н. Д. Пансионерка. — М. : T8 RAGRAM. — 2022. — 188 с.
62. Хвошинская Надежда Дмитриевна [сост. и прим. Строгановой Е. Н.] // Русские писатели 1800–1917 : биограф. Словарь / гл. ред. Б. Ф. Егоров. — М. ; СПб., 2019. — Т. 6 : С–Ч. — С. 511.
63. Цебрикова М. К. Очерк жизни Н. Д. Хвошинской-Зайончковской // Мир божий. — СПб., 1897. — № 12. — С. 1–40.
64. Чечнева А. В. Соратница великих. — Рязань, 2020. — 248 с.
65. Чижииков Л. А. Надежда Дмитриевна Хвошинская-Зайончковская (В. Крестовский —псевдоним). 20 мая 1825–1889 — июнь 8 : Библиогр. о ней материалы. — Одесса : Центр. тип. С. Розенштрауха и Н. Лемберга. — 1914. — 13 с.
66. Шелгунов Н. В. Женское бездушие (по поводу сочинений В. Крестовского-псевдоним) // Дело. — СПб., 1870. — № 9. — Современное обозрение. — С. 1–34.
67. Шелгунов Н. В. К статье «Н.Д. Хвошинская-Зайончковская» // Русская мысль. — М., 1891. — Г. 12. — Кн. 2–17. — С. 182–185.
68. «Я живу от почты до почты...»: из переписки Н. Д. Хвошинской / сост. А. Розенхольм, Х. Хогенбом. — Fichtenwalde : Gopfert, 2001. — 271 с.
69. Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Русские писатели и писательницы, умершие в 1889 году. — М., 1905. — Вып. 9 — С. 25–30.
70. Andrew J. Narrative Space and Gender in Russian Fiction: 1846–1903. — Rodopi, — 2007. — Vol. 47 : Studies in Slavic Literature and Poetics Online. — 193 p.
71. Berman A. A Tale of Two (or Three) Sisters: Pushkin, Tolstoy, Zhukova, Tur, Khvoshchinskaya, and Chekhov // Slavic Literatures. — ELSEVIER. — Vol. 158. — Iss. 2025. — Pages 87–107.
72. Khvoshchinskaya N. (Krestovsky V.). Behind the Wall (За стеною) / E. McDonald's transl. — 2025. Retrieved from the University Digital Conservancy. — URL : <https://hdl.handle.net/11299/276637> (дата обращения: 15.04.2026).
73. Khvoshchinskaya N. (Krestovsky V.). The Meeting (Свидание) / E. McDonald's transl. 2022. — Retrieved from the University Digital Conservancy. — URL : <https://hdl.handle.net/11299/228406> (дата обращения: 15.04.2026).
74. Nadezhda Khvoshchinskaya. The Boarding-School Girl (Пансионерка) / Transl. from the russian, annotated, and with an introduction by and Karen Rosneck. — Evanston : Northwestern University Press, — 2000. — 154 p.
75. Rosneck K. Understanding Nadezhda Khvoshchinskaya's Short Story Collection An Album: Groups and Portraits: The Literary Innovations of a Nineteenth-Century Russian Writer. — Lewiston ; N. Y. : Edwin Mellen P., 2010. — 206 p.

References

1. Musset A. de. *Usta i chasha: dramaticheskaya poema* / per. A. D. Mysovskoy. [La Coupe et les lèvres. Transl. by A. D. Mysovskaya]. St. Petersburg, 1891. Available at: http://az.lib.ru/m/mjusse_a_d/text_1832_la_coupe_et_les_levres.shtml (accessed: 20.04.2025). (In Russian).
2. Arsenyev K. K. Modern Russian novel in its main representatives. Krestovsky (pseudonym). *Vestnik Evropy*. [Messenger of Europe]. Vol. 111, year 20; vol. 1, St. Petersburg, 1885, pt. I–II, pp. 330–362; pt. III, pp. 739–763; pt. IV, bk. 3, March, pp. 342–369. (In Russian).
3. B. D. P. [P. D. Boborykin]. Novelists of Old School: V. Krestovsky (pseudonym). *Slovo*. [The Word]. St. Petersburg, 1879, year 2, July, section X, pp. 1–52. (In Russian).
4. Berezkina E. P. *Tipologiya zhenskikh obrazov v narodnicheskom romane (na materiale tvorчества N. A. Arnoldi, S. I. Smirnovoy, N. D. Khvoshchinskoy, O. A. Shapir): dis. ... kand. filol. nauk*. [Typology of female images in 'narodnik' novels (based on the works of N. A. Arnoldi, S. I. Smirnova, N. D. Khvoshchinskaya, O. A. Shapiro): dissertation ... of Candidate of Philology]. Ulan-Ude, 2004, 167 pp. (In Russian).
5. Boborykin, P. D. A modest name. *Biblioteka dlya chteniya*. [Library for reading]. St. Petersburg, 1863, vol. 30, January, Russian literature, pp. 26–42. (In Russian).
6. Brockhaus F. A., Efron I. A. *Entsiklopedicheskiy slovar. Khakim — Khodorov*. [Encyclopedic Dictionary. "Khakim — Khodorov"]. St. Petersburg, 1903, vol. 37, pp. 145–147. (In Russian).
7. Gerbe, N. V. V. *Russkiye poety v biografyakh i obraztsakh*. [Russian poets in biographies and examples]. St. Petersburg, 1873, pp. 580–582. (In Russian).
8. Golitsyn N. N. *Bibliograficheskiy slovar russkikh pisatel'nits*. [Bibliographic dictionary of Russian women writers]. St. Petersburg, 1889, pp. 262–265. (In Russian).
9. Golovin K. F. Letters from St. Petersburg on contemporary Russian literature. III. *Rus*. [Rus']. St. Petersburg, 1884, vol. 4, iss. 7, April 1, pp. 55–62. (In Russian).
10. Goryachkina M. S. Krestovsky V. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya*. [Concise literary encyclopedia]. Moscow, 1966, vol. 3: Jacob — Laxness, cols. 819–820. (In Russian).

11. Grigoryev A. A. I. S. Turgenev and his activities regarding the novel “A nest of gentry.” *Russkoe slovo*. [Russian word]. Year 25, January, St. Petersburg, 1859, May, Criticism, pp. 20–41. (In Russian).
12. Grigoryev A. A. A Critical view of the foundations, significance, and techniques of modern art criticism. *Biblioteka dlya chteniya*. [Library for reading]. Year 25, January, vol. 147, St. Petersburg, 1858, section V: Criticism, pp. 1–42. (In Russian).
13. Grigoryev A. A. Russian belles-lettres in 1852. *Moskvityanin*. [Muscovite]. Moscow, 1853, vol.1, section V: Criticism and bibliography, pp. 1–64. (In Russian).
14. Khvoshchinskaya N. D. A village incident. A novel in verse. St. Petersburg, 1853. *Sovremennik: zhurnal literaturnyy i politicheskoy*. [Contemporary: literary and political journal]. St. Petersburg, 1854, vol. 43, iss. 1, pp. 7–10. (In Russian).
15. Druzhinin A. V. Contemporary notes. Letters on Russian journalism. Letter Sixteen (review of Russian journals for June 1850). *Sovremennik*. [Contemporary]. St. Petersburg, 1850, iss. 6, vol. 22, pp. 87–139. (In Russian).
16. Druzhinin A. V. Contemporary notes. Letters from an out-of-town subscriber to the editors of “Sovremennik,” on Russian journalism. *Sovremennik*. [Contemporary]. St. Petersburg, 1850, iss. 12, vol. 25, pp. 82–106. (In Russian).
17. New Poet’s notes and reflections on Russian journalism. August 1852. Section VI: Contemporary notes. *Sovremennik*. [Contemporary]. St. Petersburg, 1852, vol. 35, pp. 297–298. (In Russian).
18. New Poet’s notes and reflections on Russian journalism. May–June 1854. Section VI: Contemporary notes. *Sovremennik*. [Contemporary]. St. Petersburg, 1854, iss. 7, July, vol. 46, pp. 62–81. (In Russian).
19. *Istoriya russkoy literatury XIX veka: bibliogr. ukazatel. Akad. nauk SSSR. In-t russkoy literatury. (Pushkinskiy dom). Pod red. K. D. Muratovoy*. [History of Russian literature of the 19th century: bibliographic index. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature. (Pushkin House). Ed. by K. D. Muratova]. Moscow, L.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. [Leningrad Branch]. 1962, pp. 381–383. (In Russian).
20. Kozlov A. E. “To Khvoshchinskoye”: Onomastic Allusion in “Grammar of Love.” *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. [Plotology and plotography]. 2025, iss. 4, pp. 93–92. (In Russian).
21. Kozlov A. E. Forms and images of time in the works of N. D. Khvoshchinskaya and V. A. Sleptsov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. 2016, vol. 3 (41), pp. 106–114. (In Russian).
22. Krenzholek O. S. *Problemy literaturnoy poizitsii N. D. Khvoshchinskoy 1840–1860-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk*. [Issues of N. D. Khvoshchinskaya’s literary position in the 1840s–1860s: dissertation ... of Candidate of Philology]. Moscow, 1986, 160 p. (In Russian).
23. Kulikova N. E. Studying the legacy of N. D. Khvoshchinskaya in the Ryazan Kremlin. *Ryazanskaya zemlya: istoriya, kultura, obshchestvo: materialy Desyatoy mezhregion. nauch.-prakt. konf.* [Ryazan Land: history, culture, society: proceedings of the Tenth Interregional scientific and practical conference]. Ryazan, 2025, pp. 156–166. (In Russian).
24. Kulikova N. E. Image of a modern man in the bourgeois environment of the provincial town N.: prototypes of the hero of N. D. Khvoshchinskaya’s essay “At the photographer’s” (1879). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. [Bulletin of Buryat State University. Philology]. 2024, iss. 3, pp. 64–73. (In Russian).
25. Kulikova N. E. The Ryazan text in N. D. Khvoshchinskaya’s story “The boarding-school girl” (1861). *Literatura Drevney Rusi i Novogo vremeni: materialy XIII Vseros. konf.* [Literature of Ancient Rus’ and Modern times: proceedings of XIII All-Russian conference]. Moscow, 2025, pp. 328–340. (In Russian).
26. Lesevich V. V. “The first struggle (from memories)” by V. Krestovsky (pseudonym). St. Petersburg, 1879. New Books. *Otechestvennyye zapiski*. [Fatherland notes]. St. Petersburg, 1879, iss. 11, November, pp. 44–49.
27. Markov V. V. Personal will. *Navstrechu: ocherki i stikhotvoreniya Vasiliya Markova*. [Forward: essays and poems by Vasily Markov]. St. Petersburg, 1878, pp. 209–218. (In Russian).
28. Markov V. V. Tinsel philanthropy. *Navstrechu: ocherki i stikhotvoreniya Vasiliya Markova*. [Forward: essays and poems by Vasily Markov]. St. Petersburg, 1878, pp. 202–209.
29. Milyukov A. P. Dead souls of the great world. *Otgosloski na literaturnyye i obshchestvennyye yavleniya: kriticheskiye ocherki A. Milyukova*. [Echoes of literary and social phenomena: critical essays by A. Milyukov]. St. Petersburg, 1875, pp. 58–81. (In Russian).
30. Mikhaylovsky N. K. “Album. Groups and portraits” by V. Krestovsky (pseudonym). St. Petersburg, 1879. New books. *Otechestvennyye zapiski*. [Fatherland notes]. St. Petersburg, 1879, vol. 243, year 41, pp. 80–85. (In Russian).
31. [Mikhaylovsky N. K.] “Duties.” A novel by V. Krestovsky. Section Two. III. New Books. Russian Bibliography. *Severny Vestnik*. [Messenger of North]. St. Petersburg, 1888, iss. 4, pp. 106–110. (In Russian).
32. Mikhaylovsky N. K. The experimental novel. *Sochineniya N.K. Mikhaylovskogo*. [Works by N. K. Mikhaylovsky]. St. Petersburg, 1885, vol. 6, pp. 1–31. (In Russian).
33. Mogilyansky A. P. N. D. and S. D. Khvoshchinskayas. *Istoriya russkoy literatury: v 10 t. AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom)*. [History of Russian literature: in 10 volumes. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. Moscow, Leningrad, 1956, vol. 9, pt. 2, pp. 228–237. (In Russian).
34. N. N. (S. S. Dudyshkin). Novels and stories by V. Krestovsky. Six vols. St. Petersburg, 1859. *Otechestvennyye zapiski*. [Fatherland notes]. St. Petersburg, 1859, vol. 124, year 21, iss. 5–6, Russian literature, pp. 102–112. (In Russian).

35. *Nastolnyy slovar dlya spravok po vsem otraslyam znaniya (spravochnyy entsiklopedicheskiy leksikon). P–V (izhitsa). Pod red. V. R. Zotova, F. Tollya.* [Desk dictionary for reference on all branches of knowledge (Reference encyclopedic lexicon). P–V (izhitsa). Ed. by V. R. Zotov, F. Toll]. St. Petersburg, 1863, vol. 3, pp. 922. (In Russian).
36. Nekrasov N. A. Notes about journals. March 1856. *Sovremennik*. [Contemporary]. St. Petersburg, 1856, iss. 4, April, pp. 223–237. (In Russian).
37. Nekrasova E. S. “The Big Dipper.” A novel in five parts by V. Krestovsky (pseudonym). *Russkaya Mysl*. [Russian thought]. Moscow, 1883, vol. 4, bk. 7, pp. 80. (In Russian).
38. Nikitin, P. (P. N. Tkachev). Rotten Roots. Modern review. *Delo*. [Deeds]. St. Petersburg, 1880, vol. 14, iss. 2, pp. 315–344; iss. 3, pp. 283–324. (In Russian).
39. Petersburg Bulletin. Literature. *Pantheon*. St. Petersburg, 1852, vol. 4, iss. 8, August, pp. 1–22. (In Russian).
40. Petrov K. P. *Kurs istorii russkoy literatury*. [A course in the history of Russian literature]. St. Petersburg, 1871, pp. 317–318. (In Russian).
41. Petrutsky A. A. “There have been worse times, but never viler ones” (on Khvoshchinskaya’s 185th anniversary). *Vechernyaya Ryazan*. [Evening Ryazan]. 2007, iss. 26, July 5. (In Russian).
42. Pisarev D. I. *Sochineniya Dmitriya Ivanovicha Pisareva. Polnoye sobraniye: v 6 t.* [Works of Dmitry Ivanovich Pisarev. Complete Collection: in 6 volumes]. St. Petersburg, 1894, vol. 1, pp. 18–26. (In Russian).
43. Krestovsky V. (pseudonym). Stories. IV. Ideals and phrases. St. Petersburg, 1884. *Delo*. [Deeds]. St. Petersburg, 1883, vol. 17, iss. 12, pp. 44–46. (In Russian).
44. Pogrebnaya V. L. Aspects of female emancipation in the life and works of N. D. Khvoshchinskaya. *Sovremennyye podkhody k filologicheskim issledovaniyam: kol. monogr.* [Modern approaches to philological research: collected monographs]. Lvov, 2020, pp. 192–215. (In Russian).
45. Ponomarev S. I. *Nashi pisatel'nitsy*. [Our women writers]. St. Petersburg, 1891, vol. 52, iss. 7, pp. 60–71. (In Russian).
46. Popov V. P. Expecting something better. A Novel by V. Krestovsky. *Russkoye Slovo*. [Russian words]. St. Petersburg, 1861, vol. 3, March, pp. 81–89. (In Russian).
47. Potapov A. N. *Provintsialki. Zhizn i tvorchestvo sester-pisatel'nits Khvoshchinskikh*. [Provincial women. The life and work of the Khvoshchinskaya sisters – writers. Ryazan, 2024, 72 pp. (In Russian).
48. Rosenholm A., Savkina I. L. How women should write: Russian women’s literature in the nineteenth century. *Zhenshchiny v Rossii XIX veka: zhizn i kultura. Pod red. Wendi Rosslyn i Alessandry Tosi*. [Women in 19th-Century Russia: Life and Culture. Edited by Wendy Rosslyn and Alessandra Tosi]. Cambridge, Open Book Publ., 2012, pp. 161–208.
49. *Russkiy biograficheskiy slovar* A. A. Polovtsova. [Russian biographical dictionary by A. A. Polovtsov]. St. Petersburg, Faber-Tsyavlovsky Publ., 1901, pp. 301–303. (In Russian).
50. Saltykov-Shchedrin M. Ye. *Sobraniye sochineniy: v 20 t.* [Collected Works: in 20 volumes]. Moscow, 1965–1977, vol. 5, 1966, 712 p. (In Russian).
51. Samorodnitskaya E. I. “Rubbish is easy to write, and such literature is inexhaustible”: N. D. Khvoshchinskaya as a literary critic. *Vestnik RGGU. Ser. Literaturovedeniye. Yazykoznanie. Kulturologiya*. [Bulletin of Russian State University for the Humanities. Series: Literary studies. Linguistics. Cultural studies]. 2025, iss. 11, pt. 1, pp. 33–43. (In Russian).
52. Sevastyanova A. A., Filippov D. Yu. New materials on the history of the Khvoshchinskys family in Ryazan. *Istorii dorevolutsionnoy Rossii: mysl, sobytiya, lyudi*. [Histories of pre-revolutionary Russia: thought, events, persons]. Ryazan, 2003, pp. 111–120. (In Russian).
53. Semevsky V. I. N. D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya. *Russkaya mysl*. [Russian thought]. St. Petersburg, 1890, iss. 10–12. (In Russian).
54. Skabichevsky A. M. Waves of Russian progress. “Novels and stories” by V. Krestovsky (pseudonym). *Otechestvennyye zapiski*. [Fatherland notes]. St. Petersburg, 1872, vol. 200, Modern Review, pp. 1–41. (In Russian).
55. Skabichevsky A. M. Our modern selflessness. 1874–1875. *Sochineniya A. Skabichevskogo: v 2 t.* [Works of A. Skabichevsky: in 2 volumes]. St. Petersburg, 1895, pp. 69–102. (In Russian).
56. Stroganova E. N., Karpova O. A. “Beacon.” An unpublished response to the death of N. D. Khvoshchinskaya. *Literaturnyy fakt*. [Literary fact]. 2023, iss. 3 (29), pp. 91–107. Available at: <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-91-107> (accessed: 15.04. 2026). (In Russian).
57. Stroganova E. N. “I Need My Loved Ones, the Very Closest”: On the biography of N. D. Khvoshchinskaya. *Literaturnyy fakt*. [Literary fact]. 2025, iss. 2 (36), pp. 130–171. (In Russian).
58. Stroganova E. N. About the inconvenient pseudonym: Nadezhda Khvoshchinskaya, aka V. Krestovsky. *Klassiki i sovremennitsy: gendernyye realii v istorii russkoy literatury XIX veka*. [Classics and contemporaries: Gender realities in the history of 19th-century Russian literature]. Moscow, 2019, pp. 54–62. (In Russian).
59. Turgenev I. S. Hamlet of the Shchigrovsky District. *Zapiski okhotnika: polnoye sobraniye ocherkov i rasskazov, 1847–1876*. [A sportsman’s sketches: complete collection of essays and short stories, 1847–1876]. Petersburg, 1918, pp. 291–321. (In Russian).
60. Tyminsky A. I. *Poetika prozy N. D. Khvoshchinskoy: dis. ... kand. filol. nauk*. [Poetics of the prose of N. D. Khvoshchinskaya: dissertation ... of Candidate of Philology]. Moscow, 1997, 212 p. (In Russian).
61. Khvoshchinskaya N. D. *Pansionerka*. [Boarding-school girl]. Moscow, T8 RAGRAM, 2022, 188 p. (In Russian).

62. Khvoshchinskaya Nadezhda Dmitrievna (compiled and with commentary by Stroganova E. N.). *Russkiye pisateli 1800–1917: biograf. Slovar. Gl. red. B. F. Yegorov*. [Russian writers 1800–1917: biographical dictionary. Ed. by B. F. Egorov. - M.; St. Petersburg, 2019. - T. 6: S–Ch. — P. 511. (In Russian).
63. Tsebrikova M.K. Essay on the Life of N. D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya. *Mir bozhiy*. [God's world]. St. Petersburg, 1897, iss. 12, pp. 1–40. (In Russian).
64. Chechneva A.V. *Soratsnitsa velikikh*. [Companion of great persons]. Ryazan, 2020, 248 p. (In Russian).
65. Chizhikov L. A. *Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya (V. Krestovskiy — psevdonym). 20 maya 1825–1889 — iyun 8: Bibliogr. o ney materialy*. [Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya (V. Krestovsky, pseudonym). May 20, 1825–1889 — June 8: Bibliographic materials]. Odessa, S. Rosenshtaukh and N. Lemberg Publ., 1914, 13 p. (In Russian).
66. Shelgunov, N. V. Female callousness (regarding the works of V. Krestovsky – pseudonym). *Delo*. [Deeds]. St. Petersburg, 1870, iss. 9, Modern review, pp. 1–34. (In Russian).
67. Shelgunov N. V. On the article “N. D. Khvoshchinskaya-Zayonchkovskaya.” *Russkaya Mysl*. [Russian thought]. Moscow, 1891, vol. 12, Book 2–17, pp. 182–185. (In Russian).
68. “*I long for the mail to arrive...*”: *From the correspondence of N. D. Khvoshchinskaya*. Comp. by A. Rosenholm, H. Hogenboom. Fichtenwalde, Gopfert, 2001. 271 p. (In Russian).
69. Yazykov D. D. *Obzor zhizni i trudov pokoynykh russkikh pisateley. Russkiye pisateli i pisatelitsy, umershiye v 1889 godu*. [Review of the lives and works of deceased Russian writers. Russian writers who died in 1889]. Moscow, 1905, iss. 9, pp. 25–30. (In Russian).
70. Andrew J. *Narrative, Space and Gender in Russian fiction: 1846–1903*. Rodopi, 2007, vol. 47: Studies in Slavic Literature and Poetics Online. 193 p.
71. Berman A. A Tale of Two (or Three) Sisters: Pushkin, Tolstoy, Zhukova, Tur, Khvoshchinskaya, and Chekhov. *Slavic Literatures*. ELSEVIER, vol. 158, iss. 2025, pp 87–107.
72. Khvoshchinskaya N. (Krestovsky V.). *Behind the Wall (Za stenoyu)*. E. McDonald's translation. 2025, Retrieved from the University Digital Conservancy. Available at: <https://hdl.handle.net/11299/276637> (accessed: 15.04.2026).
73. Khvoshchinskaya N. (Krestovsky V.). *The Meeting (Svidaniye)*. E. McDonald's translation. 2022. Retrieved from the University Digital Conservancy. Available at: <https://hdl.handle.net/11299/228406> (accessed: 15.04.2026).
74. Nadezhda Khvoshchinskaya. *The Boarding-School Girl (Pansionerka)*. Translated from the Russian, annotated, and with an introduction by Karen Rosneck. Evanston, Illinois, Northwestern University Press, 2000, 154 p.
75. Rosneck K. *Understanding Nadezhda Khvoshchinskaya's Short Story Collection "An Album: Groups and Portraits": The Literary Innovations of a Nineteenth-Century Russian Writer*. Lewiston, N. Y., Edwin Mellen P., 2010, 206 p.

Информация об авторе

Куликова Наталья Евгеньевна — научный сотрудник Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, соискатель кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов автора – русская литература XIX века

Information about the author

Kulikova Natalia Evgenievna — Researcher at the Federal State Budgetary Institution of Culture “Ryazan Historical-Architectural Museum-Reserve,” co-researcher at the Department of literature and journalism of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ryazan State University named for S. Yesenin”.

Research interests: Russian literature of the 19th century.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; принята к публикации 09.04.2026.
The article was submitted 15.01.2026; accepted for publication 09.04.2026.